

СЕВЕРНЫЕ И АРКТИЧЕСКИЕ СОЦИУМЫ NORTHERN AND ARCTIC SOCIETIES

УДК 316.4(470.1/.2)(045)

DOI: 10.37482/issn2221-2698.2020.41.163

«Умирание» или «новая жизнь» моногородов (на примере социально-экономической адаптации жителей монопрофильных поселений Северо-Запада России) *

© НЕДОСЕКА Елена Владимировна, кандидат социологических наук, старший научный сотрудник

E-mail: nedelena@socinst.ru

Социологический институт РАН – филиал Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук, Санкт-Петербург, Россия

© КАРБАИНОВ Николай Иванович, научный сотрудник

E-mail: n.karbainov@socinst.ru

Социологический институт РАН – филиал Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук, Санкт-Петербург, Россия

Аннотация. Статья посвящена проблеме социально-экономической адаптации населения моногородов на примере монопрофильных поселений Северо-Запада России. Теоретико-методологической рамкой работы выступили подходы учёных, исследовавших низовые практики выживания населения малых городов и сёл (отходничество, маятниковая миграция, распределённый образ жизни, неформальная экономика). Эмпирическую базу исследования составили данные статистики, собранные по базам ЕМИСС, СПАРК Интерфакс, Фонда развития моногородов, сайтов администраций монопрофильных поселений СЗФО, а также данные полевых исследований, собранные методом полуструктурированных интервью с представителями администраций и депутатами городских и районных советов, с рядовыми жителями моногородов в республике Карелия, Ленинградской и Вологодской областях. В качестве основных результатов исследования представлено: во-первых, анализ противоречия управленческого подхода, в рамках которого многие монопрофильные поселения СЗФО не соответствуют критериям, согласно которым они включены в официальный список моногородов. Также меры государственной поддержки по спасению «умирающих» моногородов оказываются малоэффективны. Во-вторых, результаты эмпирического исследования, которые показывают, что жители моногородов выработали стратегии адаптации к новым социально-экономическим условиям жизни, которые не связаны с занятостью на градообразующем предприятии. К таким стратегиям можно отнести: 1) вахтовый метод работы или отходничество; 2) маятниковую миграцию внутри стихийных локальных агломераций; 3) «распределённый образ жизни»; 4) вовлечение в различные сферы неформальной экономики. Таким образом, моногорода «не умирают», а выживают в первую очередь за счёт низовых экономических практик населения.

Ключевые слова: моногород, Северо-Западный федеральный округ, стратегии выживания, экономические практики населения.

“Dying” or “New Life” of Single-Industry Towns (the Case Study of Socio-economic Adaptation of Residents of Single-industry Settlements in the North-West of Russia)

© Elena V. NEDOSEKA, Cand. Sci. (Soc.), Associate Professor, Senior Researcher

E-mail: nedelena@socinst.ru

* Для цитирования: Недосека Е.В., Карбаинов Н.И. «Умирание» или «новая жизнь» моногородов (на примере социально-экономической адаптации жителей монопрофильных поселений Северо-Запада России) // Арктика и Север. 2020. № 41. С. 163–181. DOI: 10.37482/issn2221-2698.2020.41.163

For citation: Nedoseka E.V., Karbainov N.I. “Dying” or “New Life” of Single-Industry Towns (the Case Study of Socio-economic Adaptation of Residents of Single-industry Settlements in the North-West of Russia). *Arktika i Sever* [Arctic and North], 2020, no. 41, pp. 163–181. DOI: 10.37482/issn2221-2698.2020.41.163

Sociological Institute of the RAS – a branch of the Federal Research Sociological Center of the Russian Academy of Sciences, Saint Petersburg, Russia

© **Nikolay I. KARBAINOV**, Research Fellow

E-mail: n.karbainov@socinst.ru

Sociological Institute of the RAS – a branch of the Federal Research Sociological Center of the Russian Academy of Sciences, Saint Petersburg, Russia

Abstract. The article is devoted to the socio-economic adaptation of single-industry towns' population on the example of single-industry settlements in the North-West of Russia. The work's theoretical and methodological framework is the approaches of scientists who study the grassroots practices of survival of small towns and villages (seasonal work, commuting, a distributed way of life, the informal economy). The empirical base of the study are statistical data collected from the databases of EMISS, SPARK Interfax, the Foundation for the Development of Single-Industry Towns, websites of administrations of single-industry settlements in the Northwestern Federal District, as well as data from field studies collected by the method of semi-formalized interviews with representatives of administrations and deputies of city and regional councils, with ordinary residents of single-industry towns in Republic of Karelia, Leningrad and Vologda oblasts. The study's preliminary results are presented: first, an analysis of the contradictions in the management approach. Many single-industry settlements in the Northwestern Federal District do not meet the criteria according to which they are included in the official list of single-industry towns. Also, government support measures to rescue "dying" monotowns are ineffective. Secondly, empirical research results show that residents of single-industry towns have developed strategies for adapting to new socio-economic conditions of life, which are not associated with employment in a city-forming enterprise. These strategies include: 1) rotational work or seasonal work; 2) pendulum migration within spontaneous local agglomerations; 3) "distributed lifestyle"; 4) involvement in various spheres of the informal economy. Thus, single-industry towns "do not die" but survive primarily due to the population's grassroots economic practices.

Keywords: *single-industry town, North-West Federal District, survival strategy, economic practice.*

Введение

Пространственная структура современной России представляет собой административно-территориальное многообразие, особое место в котором занимают моногорода [1, Карбаинов Н.И., Недосека Е.В., с. 146]. На сегодняшний день перечень монопрофильных муниципальных образований РФ включает 321 моногородов, где по состоянию на начало 2020 г. проживало 13,5 млн человек (около 9,2% населения России)¹. Средняя по стране численность населения моногорода составляет около 40 тыс. человек. Большинство российских моногородов являются малыми городами (54%). Моногорода имеются в 61 из 85 регионов России, но в наибольшей степени они сосредоточены в регионах Поволжья и Сибири².

Проблематика исследований моногородов отличается широким диапазоном предметного поля и в целом повышенным вниманием со стороны академического сообщества. Большая часть работ посвящена изучению проблем и перспектив моногородов, основанных на данных статистики и анализе экономических показателей, как правило, фиксирующих кризисные явления, определяющие и поддерживающие дискурс «вымирания». Не сложилось и единого подхода к определению моногорода. По-прежнему превалируют мнения,

¹ Распоряжение Правительства РФ от 16 апреля 2015 г. № 668-р «Об изменениях, которые вносятся в перечень монопрофильных муниципальных образований РФ (моногородов)». URL: <https://base.garant.ru/70988888/> (дата обращения: 04.10.2020).

² Аналитический доклад ИКСИ. URL: <https://icss.ru/vokrug-statistiki/obzor-rossijskix-monogorodov> (дата обращения: 04.10.2020).

увязывающие жизнь поселения с определяющей ролью градообразующего предприятия [2, Лаппо Г.М.; 3, Тургель И.Д.; 4, Макаров А.Н.; 5, Поповичева Н.Е., Полянин А.В.; 6, Гусев В.В.; 7, Калмыков Н.Н.; 8, Веселкова Н.В. и др.].

Монопрофильность и узкая диверсификация сфер занятости осмысляются как ключевые проблемы моногородов. В рамках данного подхода авторы предлагают различные классификации видов диверсификации, исходя из финансового состояния поселения, моделирование инфраструктуры диверсификации [9, Антонова И.С.; 10, Севастьянова А.Е.]; сценарии развития моногородов [11, Землянский Д.Ю., Ламанов С.В.; 12, Котов А.В.; 13, Манаева И.В., Болтенкова Ю.В. и др.] и так далее.

Немаловажную роль в исследовательском багаже играют работы, анализирующие зарубежный опыт развития моногородов [16, Урожаева Т.П., 14, Кулай С.В., 15. Гусев В.В.]; обоснование мер государственной поддержки [17, Дмитриева Е.О.; 18, Петрина О.А.], повышение инвестиционной привлекательности и роли малого предпринимательства в развитии моногородов [19, Скоробогатова Ю.А., Балдина А.А.; 20, Дмитриева Е.О.]

Мы разделяем позицию авторов Замятиной Н.Ю. и Пилясова А.Н. [21, Замятина Н.Ю., Пилясов А.Н., с. 7–8], которые акцентируют внимание на том, что большая часть работ и управленческих решений опирается на «старый арсенал методических исследовательских средств и инструментов государственной политики прежней индустриальной эры», не учитывая новых экономических реалий. Авторы отмечают: «Практически никто из авторов ... не поднимает вопрос об изменении самой природы градообразующего предприятия, которое утрачивает социально-культурное влияние на местное сообщество и монопрофильный город, но сохраняет рычаги финансово-экономического влияния — в том числе в обеспечении занятости».

Важным методологическим ориентиром для нас являются изыскания социологов, историков и антропологов, которые трактуют моногорода в широком контексте с учётом исторических, поселенческих и культурных особенностей. С этой точки зрения моногорода «не умирают», а трансформируются, а население приспособляется к новым экономическим и социокультурным условиям жизни [22, Меерович М.Г.; 23; 24, Любовный В.Я.].

Теоретико-методологическим обоснованием статьи послужили подходы социологов, исследовавших такие социальные феномены, как отходничество [25, Плюснин Ю.М., Заусаева Я.Д., Жидкевич Н.Н., Позаненко А.А.], которое представляется как массовое явление, не имеющее отражения в статистике, выступающее низовой практикой выживания населения малых городов и сел; маятниковую миграцию [Шитов Ю., Шитова Ю., 26, Бугаев М.А.], как ключевая стратегия челночного перемещения из малого города в агломерационные центры; распределённый образ жизни [27, Кордонский С.Г.], представляющий альтернативные экономические практики выживания; неформальная экономика [28, Барсукова С.Ю.]

Цель статьи — рассмотреть ключевые практики социально-экономической адаптации населения постсоветских моногородов на примере монопрофильных поселений СЗФО³.

Эмпирическую базу исследования составили данные статистики, собранные по базам ЕМИСС, СПАРК Интерфакс, Фонд развития моногородов, сайтов администраций монопрофильных поселений СЗФО. А также данные полевых исследований, собранные методом полужформализованных интервью с представителями администраций и депутатами городских и районных советов, с рядовыми жителями моногородов в республике Карелия, Ленинградской и Вологодской области. Всего было проведено 72 интервью. Дополнительным методом исследования выступил метод наблюдения. Интервью и наблюдения проводились в 2018–2019 гг. в рамках полевых исследований, где основной целью являлось определение мнений и видения информантов (экспертов) по поводу текущей ситуации, проблем и изменений, происходящих в моногородах.

Структура статьи строится следующим образом. В первом разделе мы покажем противоречия управленческого подхода на примере моногородов СЗФО РФ. Во втором разделе рассмотрим некоторые результаты нашего исследования социально-экономической ситуации в моногородах Северо-Запада России.

Управленческий подход: «взгляд с высоты птичьего полета»

Достаточно продолжительное время на уровне высших исполнительных органов власти не существовало единого подхода к пониманию того, какие поселения относить к моногородам, а какие нет. В 2014 г. Министерство регионального развития Российской Федерации предложило рассматривать моногород как «поселение (городской округ), организации и жители которого не способны своими силами компенсировать риски внешней экономической среды, исключающие возможность устойчивого развития этого населенного пункта, как правило, имеющее градообразующее предприятие, на котором занято не менее 25% трудоспособного населения этого населённого пункта»⁴. Таким образом, основными критериями, предложенными Министерством, являются: 1) наличие предприятия или нескольких предприятий, осуществляющих деятельность в рамках единого производственно-технологического процесса, на котором занято на основной работе более 25% экономически активного населения; 2) наличие в населённом пункте предприятия или нескольких предприятий, осуществляющих деятельность в рамках единого производственно-технологического процесса, на долю которых приходится более 50% объёма промышленного производства; 3) дополнительные критерии отнесения населенных пунктов к категории монопрофильных поселений: доля налогов и сборов, поступающих в бюджет муниципально-

³ Объект исследования определялся нами как доступная выборка и основные выводы не экстраполируются на все поселения монопрофильного типа РФ.

⁴ Постановление Правительства от 29 июля 2014 года № 709 «О критериях отнесения муниципальных образований к моногородам и о категориях моногородов в зависимости от рисков ухудшения их социально-экономического положения». URL: <http://government.ru/docs/14049/> (дата обращения: 02.10.2020).

го образования от предприятия или нескольких предприятий, осуществляющих деятельность в рамках единого производственно-технологического процесса, расположенных в населённом пункте, составляет не менее 20% от общего объёма налогов и сборов, поступающих в бюджет муниципального образования от всех организаций и предприятий.

В одной из своих публикаций мы отмечали что, вышеперечисленные критерии являются довольно обобщающими и предполагают рассмотрение только количественных характеристик, что необходимо для формального наделения муниципального образования соответствующим статусом. В качестве таких критериев выступают чаще всего количество занятых на градообразующем комплексе, доля градообразующего предприятия в общем объёме отгрузки поселения [1, Карбаинов Н.И., Недосека Е.В.].

Далее рассмотрим противоречия управленческого подхода на примере моногородов Северо-Запада России. Большая часть моногородов в СЗФО возникла в результате политики советской индустриализации в 1930–1950-е гг. Первоначально подобные поселения в основном заселялись спецпереселенческим контингентом и политзаключёнными, в особенности это характерно для Мурманской и Архангельской областей и Республики Карелия. Это относительно молодые поселения со слабо укоренённым населением и непродолжительной историей существования (за редким исключением: например, некоторые поселения Новгородской и Вологодской областей имеют более продолжительную историю). Индустриальность, удалённость от транспортной инфраструктуры, разброс по численности населения в сочетании с северными природно-климатическими условиями являются имманентно присущими чертами монопрофильных поселений СЗФО. Основными отраслями экономики для моногородов СЗФО продолжают быть металлургия, добыча топливно-энергетических полезных ископаемых, добыча других полезных ископаемых и лесная промышленность.

На сегодняшний день в Северо-Западном Федеральном округе сосредоточено 42 моногорода (порядка 15% от общего числа). Из общего числа монопрофильных городов СЗФО 31 классифицируется как малые (74% от общего числа моногородов), 1 — как средние (2%), 2 — как большие (4%). Согласно нормативным документам (ПП РФ №709 от 29.07.2014⁵), для включения муниципального образования в перечень моногородов необходимо, чтобы численность населения в данном образовании составляла не менее 3 тыс. человек. Поскольку численность населения ряда городов сокращается, и, кроме того, некоторые малые поселения были включены в список моногородов до вступления в силу этого ограничения, на данный момент в СЗФО 6 моногородов с численностью населения менее 3 тыс. человек (пос. Вяртсиля, Муезерское городское поселение (Республика Карелия); пос. Сазоново (Вологодская область); пос. Кизема (Архангельская область); пос. Угловка и Краснофарфорный (Новгородская область)). Самым крупным моногородом СЗФО по численности населения является

⁵ Постановление Правительства РФ от 29 июля 2014 г. N 709 «О критериях отнесения муниципальных образований Российской Федерации к монопрофильным (моногородам) и категориях монопрофильных муниципальных образований Российской Федерации (моногородов) в зависимости от рисков ухудшения их социально-экономического положения». URL: <https://base.garant.ru/70707142/> (дата обращения: 01.10.2020).

город Череповец Вологодской области — 314,8 тыс. чел., самым малочисленным — Грузинское сельское поселение Новгородской области — 1,3 тыс. чел.

В управленческой практике достаточно долго не существовало единого подхода как к пониманию места моногородов в пространственной структуре РФ, так и управленческих стратегии в отношении тех кризисных проявлений, которые назрели за более чем 30-летнюю историю существования новой экономической реальности. В 2014 г. были определены основные параметры и сформированы категории моногородов с учётом финансово-экономического положения градообразующего предприятия, анализа положения на территориальном рынке труда и возможных сценариев развития таких муниципальных образований. В частности, таких групп выделено три: 1 категория — красная зона, 2 — жёлтая и 3 — зелёная.

Согласно данным критериям, большинство моногородов СЗФО (20) относятся к «жёлтой» зоне — к городам с рисками ухудшения социально-экономического положения; 18 к «красной» зоне — моногорода с наиболее сложным положением и 4 в «зелёной» зоне — со стабильной социально-экономической ситуацией (рис. 1).

Фактически каждый регион СЗФО имеет поселения, отнесённые к «красной зоне». Всего в сложном социально-экономическом положении, исходя и логики экономико-управленческого подхода, находятся 18 моногородов СЗФО, из которых 6 в Республике Карелия, по 3 моногорода в Мурманской и Вологодской областях, 2 — Архангельской и Новгородской областях, по 1 — в Ленинградской области и Республике Коми.

Таблица 1

Показатели численности трудоспособного населения моногородов и среднесписочной численности работников градообразующих предприятий «красной зоны» СЗФО⁶

	Моногород	Регион	Градообразующее предприятие ⁷	Численность трудоспособного населения, чел.	Среднесписочная численность работников градообразующих предприятий, чел.
Категория 1. Монопрофильные муниципальные образования СЗФО (моногорода) с наиболее сложным социально-экономическим положением (в том числе во взаимосвязи с проблемами функционирования градообразующих организаций)					
1	пос. Кизема	Архангельская область	Дмитриевское обособленное подразделение ООО ПКП «Титан»	1 121	185
2	г. Онега	Архангельская область	ООО «Онежский ЛДК», ОАО «Онегалес», ОАО «Онега-Энергия», ООО «ПКТС»	10032	763
3	г. Красавино	Вологодская область	Филиал ГЭП «Вологдаобл-коммунэнерго»	2874	94
4	пос. Сазоново	Вологодская	ОАО Стекольный завод	1339	12

⁶ Данные рассчитаны автором по информации Фонда моногорода РФ

⁷ Курсивом выделены предприятия, прошедшие процедуры банкротства и закрытия.

		область	«Руджам-Покровский»		
5	г. Череповец	Вологодская область	ОАО ЧерМК «Северсталь»	15196 3	22237
6	г. Пикалёво	Ленинградская область	АО «Пикалевская сода»; АО «Пикалевский цемент»; ООО «Пикалевский глинозёмный завод»	11343	2819
7	г. Кировск	Мурманская область	ОАО «Апатит»	16081	5207
8	г. Ковдор	Мурманская область	ОАО «Ковдорский горно-обогатительный комбинат»	9935	3642
9	пос. Ревда	Мурманская область	ООО «Ловозерский горнообогатительный комбинат»	4638	1100
10	пос. Краснофарфорный	Новгородская область	ООО «Фарфор на Волхове» (ликвидирована)	783	
11	г. Пестово	Новгородская область	Пестовский лесопильный завод «ООО «ЮПМ-Кюммене Чудово»	8369	н.д.
12	г. Суоярви	Республика Карелия	ЗАО «Запкареллес»	4696	125
13	г. Кондопога	Республика Карелия	ОАО «Кондопога»; АО «Кондопожский ЦБК»	16723	3316
14	пос. Муезерский	Республика Карелия	ОАО «Муезерский лес-промхоз»	1433	1
15	пгт. Надвоицы	Республика Карелия	ОАО «Сибирско-Уральская Алюминиевая компания» филиал «НАЗ-СУАЛ»	4541	100
16	г. Питкяранта	Республика Карелия	ООО ПК «Грант» Целлюлозный завод «Питкяранта»	5403	848
17	г. Пудож	Республика Карелия	ООО «Пудожлеспром» ликвидирован	5038	
18	г. Емва	Республика Коми	ООО «ЛесСервисПлюс» и «Емва развитие»	7161	30
Категория 2. Монопрофильные муниципальные образования СЗФО (моногорода), в которых имеются риски ухудшения социально-экономического положения					
19	пос. Октябрьский	Архангельская область	ОАО «Устьалес», ОАО «Октябрьский ДСК»	4937	33
20	г. Кораяма	Архангельская область	Филиал ОАО «Группа «Илим»	19297	3463
21	г. Новодвинск	Архангельская область	ОАО «Архангельский ЦБК»)	20620	4117
22	г. Сланцы	Ленинградская область	ОАО «Сланцевский цементный завод «Цесла»; ООО «Петербургцемент»; ООО «Сланцы»	18464	1295
23	пос. Никель	Мурманская область	ОАО «Кольская горнометаллургическая компания»	6949	1350
24	г. Мончегорск	Мурманская область	ОАО «Кольская ГМК»	25642	7445
25	г. Заполярный	Мурманская область	ОАО «Кольская горнометаллургическая компания»	8971	3308
26	г. Оленегорск	Мурманская область	ОАО «ОЛКОН»	17700	1870

		область			
27	г. Сокол	Вологодская область	ОАО «Сокольский ДОК», «Сокольский ЦБК», ООО «Сухонский ЦБК»	17604	1402
28	пос. Парфино	Новгородская область	ООО «Парфинский фанерный комбинат»	3646	714
29	г. Боровичи	Новгородская область	ОАО «Боровичский комбинат огнеупоров»	27135	4664
30	пос. Угловка	Новгородская область	ОАО «Угловский известковый комбинат»	2078	353
31	г. Сегежа	Республика Карелия	АО «Сегежский ЦБК» (ОАО «Сегежский ЦБК»)	14590	1935
32	г. Костомукша	Республика Карелия	ОАО «Карельский окатыш»	16919	3290
33	пгт Вяртсиля	Республика Карелия	ЗАО «Вяртсильский метизный завод»	1704	210
34	пос. Пиндуши	Республика Карелия	ОАО «Карелия ДСП»	2489	353
35	г. Лахденпохья	Республика Карелия	<i>Лахденпохский фанерный комбинат «Бумэкс»</i>	3774	
36	г. Инта	Республика Коми	АО «Шахта «Интауголь»	15353	179
37	пос. Жешарт	Республика Коми	ЗАО «Жешартский фанерный комбинат»	4648	1822
38	г. Воркута	Республика Коми	ОАО «Воркутауголь» (включая ОАО «Шахта Воргашорская»)	51598	6173
Категория 3. Монопрофильные муниципальные образования СЗФО (моногорода) со стабильной социально-экономической ситуацией					
39	г. Северодвинск	Архангельская область	«ОАО «ПО «Севмаш», ОАО «ЦС «Звёздочка»	10097 4	38601
40	г. Сясьстрой	Ленинградская область	ОАО «Сясьский целлюлозно-бумажный комбинат»	6948	1960
41	пос. Североонежск	Архангельская область	ОАО «СОБР»	2498	447
42	г. Печоры	Псковская область	ООО «Еврокерамика»	5148	839

Источник: Таблица составлена авторами на основе данных статистики муниципалитетов, Фонда развития моногородов, системы СПАРК⁸.

Если опираться на критерии Министерства регионального развития РФ, то ряд поселений, входящих в список моногородов не соответствуют одному или нескольким критериям (табл. 1). Так, например, первому критерию (25% экономически активного населения моногорода должны быть заняты на градообразующем предприятии) соответствуют только 17% моногородов СЗФО: Жешарт (39,2%), Северодвинск (38,2%), Заполярный (36,9%), Ковдор (36,7%), Кировск (32,4%), Мончегорск (29,0%), Сясьстрой (28,2%) и Пикалево (24,9%). В большинстве моногородов СЗФО (78,5%) средний показатель занятого населения на градообразующих предприятиях по отношению к экономически активному населению равен 14,7%. В список моногородов также входят населённые пункты, где градообразующие предприятия обанкротились или приостановили свою деятельность (порядка 34% всей «красной» зоны).

⁸ Курсивом в таблице выделены предприятия либо находящиеся в стадии банкротства, либо ликвидированные по состоянию на 01.01.2020.

Так, поселок городского типа Краснофарфорный, городское поселение Лахденпохья, городское поселение Пудож, города Пестово и Надвоицы фактически остались без градообразующих предприятий.

В 2015 г. для моногородов был предложен новый инструмент поддержки в виде возможности создавать на их территории зоны с особым налоговым режимом и обязательными платежами из внебюджетных фондов, так называемые территории опережающего социально-экономического развития (ТОСЭР или ТОР). На территории СЗФО действует 11 таких зон. Информация по резидентам и количествам рабочих мест, созданных ими, представлена в табл. 2.

Таблица 2

Данные по количеству резидентов и рабочим местам в ТОСЭР СЗФО, 2020

Субъект ТОСЭР	Наименование резидента	Количество рабочих мест, предоставленных резидентами
город Череповец	ООО «Пекарня «Счастливая» (прежнее краткое наименование резидента ООО «ЮгФинанс»)» ООО «Механика» ООО «Фиброплит» ООО «ЧТК Новый» ООО «ТД «Русский чай»» ООО «ЧСЗ» ООО «ЧМК» ООО «Завод НАРТИС» ООО «ЧЭК» ООО «Техноперспектива» ООО «Тепловой элемент» ООО «Вологодский молочный завод» ООО «Строй Бетон»	430
город Надвоицы	ООО «Русский радиатор» ООО «ТДМ» ООО «Спецрой» ООО «КЮ Дата центр» ООО «Надвоицкий карборундовый завод»	181
город Пикалево	ООО «ПИТЭК» ООО «РемАвтоПик» ООО «Ф. Скрупской»	175
город Кировск	АО «ПО «Комплекс»» ООО «НИТРО СИБИРЬ ЗАПОЛЯРЬЕ» ООО «Реман» ООО «УМПТЕК» АО «ПО «Комплекс»» ООО «ТиДжи Сервис»	120
город Костомукша	ООО «Лапландия Транс» ООО «ИНВЕСТ ГРУПП» ООО «БОРЮ» ООО «НС ИНЖИНИРИНГ»	93
город Боровичи	ООО «Вилина»	89
посёлок Угловка	ООО «Валдайская косметика» ООО «СИЛ-Пласт»	52
город Кондопога	ООО «КЛЭЗ-Астар» ООО «ТКК-Т»	36

посёлок Емва	ООО «ЛесСервисПлюс»	26
город Онега	ООО «РодАрктур»	19
город Печоры	-	-

Источник: Таблица составлена на основании данных системы СПАРК, Фонда развития моногородов, официальных сайтов администраций монопрофильных поселений.

Как следует из таблицы, 3 ТОСЭР приходятся на моногорода Республики Карелия, где в совокупности на сегодняшний день удалось создать порядка 300 новых рабочих мест, насколько это удовлетворяет потребности поселений в сфере занятости населения — остаётся открытым вопросом. Самым успешным проектом в СЗФО, согласно оценкам Фонда моногородов РФ, признаётся моногород Череповец: территории удалось добиться значительных успехов в области диверсификации сфер экономической деятельности и уйти от монозависимости градообразующих предприятий. ТОСЭР Череповца вмещает 13 активно действующих резидентов, также здесь создано максимальное количество рабочих мест по отношению к другим зонам ТОСЭР в СЗФО. Как следует из таблицы, резиденты не могут удовлетворить потребности большинства моногородов в сфере занятости.

Таким образом, мы можем констатировать, что от данных официальной статистики ускользает важная часть сложившихся практик выживания населения моногородов. Это серьёзное ограничение имеет и свои последствия в процессе принятия управленческих решений. Как показано выше, даже при учёте существующего списка монопрофильных поселений большая часть из них попросту не соответствует заявленным критериям. Эта проблема экстраполируется и на поселения, которые по каким-то причинам не попадают в списки моногородов, имея при этом весь необходимый набор критериев, например: город Бокситогорск (Ленинградской области), город Апатиты Мурманской области и другие. Попадание в «список» слабо коррелирует с нормативно определёнными критериями.

Взгляд снизу: роль стихийных социально-экономических практик

Постепенный упадок экономического значения градообразующих предприятий привел к серьезным последствиям кризисного характера, из которого жители моногородов выходили по-разному. Капиталистическая реальность 1990-х гг. оказалась для них более чуждой и сложно преодолеваемой, чем в поселениях другого типа. Здесь сложились особые экономические, политические, социальные условия, особая территориальная идентичность, которые получили своё осмысление в работах таких исследователей, как А.Е. Чирикова, В.Г. Ледяев [29], А.В. Котов [12], А.Н. Пилясов [30], Д.А. Давыдов [31], Н.И. Карбаинов Н.И., Е.В. Недосека [1], Г.В. Жигунова [32] и других.

Трансформационные процессы 1990-х гг. по-разному отразились на состоянии монопрофильных городов: в большинстве случаев градообразующие предприятия продолжали функционировать, что в определённой степени поддерживало иллюзию относительной стабильности. Процессы приватизации, смена собственников, рынков сбыта и перепрофилиро-

вание производств хоть и являлись факторами тревожности, но не являлись сопоставимыми с прекращением работы всего предприятия.

В рамках нашего эмпирического исследования был осуществлён опрос представителей муниципальных властей (глав администраций, заместителей глав по различным вопросам, депутатов городских советов). Основными проблемами реализации экономического потенциала изучаемых территорий, по мнению информантов, выступили:

- непривлекательность территорий для молодёжи — как главного ресурса поселений. Опрашиваемые указывали, что молодёжь, видя сложности в самореализации ввиду ограниченных возможностей получить желаемый уровень образования, медицинского обслуживания, профессии, а также удовлетворить свои культурные запросы, не рассматривает территорию родного поселения как перспективного места. Действительно, данное предположение находит своё подтверждение и в данных официальной статистики. Данные по миграционной убыли представлены в табл. 3.

Таблица 3

Миграционная убыль населения монопрофильных поселений СЗФО с 2000 по 2020 гг.

№	Наименование поселения	% миграционной убыли с 2000 по 2020 гг.	№	Наименование поселения	% миграционной убыли с 2000 по 2020 гг.
1	Череповец	-3%	22	Пикалево	-23%
2	Костомукша	-7%	23	Заполярный	-23%
3	Пестово	-9%	24	Сегежа	-25%
4	Вяртсиля	-9%	25	Парфино	-25%
5	Пос. Октябрьский	-10%	26	Кировск	-25%
6	Сокол	-13%	27	Оленегорск	-25%
7	Новодвинск	-13%	28	Онега	-26%
8	Сясьстрой	-13%	29	Емба	-26%
9	Североонежск	-16%	30	Жешарт	-29%
10	Пиндуши	-18%	31	Красавино	-29%
11	Краснофарфорный	-19%	32	Питкяранта	-30%
12	Пудож	-19%	33	Ковдор	-32%
13	Коряжма	-19%	34	Лахденпохья	-32%
14	Сланцы	-20%	35	Кизема	-32%
15	Боровичи	-20%	36	Муезерский	-33%
16	Северодвинск	-21%	37	Никель	-33%
17	Кондопога	-21%	38	Печоры	-34%
18	Мончегорск	-21%	39	Надвоицы	-35%
19	Ревда	-22%	40	Угловка	-37%
20	Суоярви	-23%	41	Воркута	-41%
21	Сазоново	23%	42	Инта	-51%

Источник: данные ЕМИСС

Согласно оценкам информантов, одной из самых активных миграционных групп выступает молодёжь от 16 до 25 лет. Информанты указывали на вымывание человеческого ка-

питала на территориях их поселений. Говоря о непрекращающейся оптимизации учреждений социальной сферы, в связи с которой количество объектов социальной инфраструктуры (школы, больницы, учреждения культуры и спорта) постоянно сокращаются или исчезают вовсе. Важным методологическим замечанием является то, что в объектив официальной статистики попадает лишь «верхушка айсберга», как отмечали информанты, реальные миграционные потери населения не представляется возможным оценить по причине фиксации только показателей прописки по месту жительства, так же даются приблизительные оценки в отношении маятниковой миграции населения, так в г. Пикалево порядка 1,5 тыс. экономически активного населения работает за пределами поселения.

В отношении объектов социальной инфраструктуры в моногородах ещё свежа память об определяющей финансовой роли градообразующего предприятия в поддержании данных учреждений. Даже при стабильном финансовом положении предприятий социальные инициативы направлены, как правило, на работников градообразующих предприятий, что усугубляет неравенство в моногородах. Главы муниципалитетов указывали на достаточно слабую связь с руководствами предприятий, указывая на их реальную недоступность, так как большинство лиц, принимающих решения, не проживает на территории поселения, а также на незначительную заинтересованность в диалоге с муниципальными властями. Пришедшим новым собственникам компаний интересны эффективность и прибыль, единственная связь с региональным социумом — это оценка населения с точки зрения эффективной или неэффективной рабочей силы. В этом смысле интересен кейс одного из моногородов республики Карелия, где возник конфликт интересов, связанный с привлечением на градообразующее предприятие работников-вахтовиков, которым компания предоставляла жильё и рабочие места (тем самым уходя от налогов и дополнительных северных выплат, по словам информантов), практически игнорируя ресурсы местного населения. По словам главы администрации, данный вопрос напрямую решался с руководством компании, так как привел к серьёзному обострению ситуации в городе⁹.

- ограниченные возможности в принятии решений. Существенная зависимость от вертикали — региональных и федеральных властей. Данные ограничения, по словам представителей муниципалитетов, значительно сказываются на объёмах бюджетов (особенно это характерно для поселений с активно действующими предприятиями) и полномочиях. Нами замечено, что связь между объёмом бюджета и принципиальным качеством жизни поселения не обнаружена: средний бюджет моногорода примерно 20–25 тыс. населения равен порядка 90 млн рублей, принципиально отличается бюджет г. Коряжмы, который в 2019 г. составлял 1,1 млрд рублей. Здесь же необходимо отметить, что большинство бюджетов монопрофильных поселений в СЗФО остаётся дефицитным.

⁹ По этическим соображениям в статье не приводится название моногорода и градообразующей компании.

- низкая предпринимательская активность населения. По мнению информантов, существующая система грантов слабо оправдывает себя. Так, грантополучатели преимущественно ориентированы на реализацию проектов в сфере услуг в тех сегментах экономики, которые не являются значимыми и перспективными по причине насыщенности рынка. Как правило, это парикмахерские и многочисленные образовательные услуги. Немаловажным замечанием со стороны информантов, было указание на распространение региональных и федеральных торговых сетей, по сравнению с которыми индивидуальное предпринимательство не выдерживает конкуренции.
- отсутствие предложений от потенциальных резидентов. Поиск резидентов и отбор существующих предложений по критериям соответствия ТОСЭР является серьёзным препятствием для реализации экономического потенциала территорий. Несмотря на целый ряд преференций, которые обещает ТОСЭР в области финансовой поддержки и особого налогового режима, не все организации, даже начавшие работу в зоне, смогли использовать их в полном объёме.

Тем не менее, несмотря на далекую от оптимистических экономических показателей статистику поселений, в рамках проведённого нами эмпирического исследования нам удалось выделить следующие стратегии адаптации населения моногородов Северо-Запада России к новым социально-экономическим условиям, которые представляют собой стихийные низовые практики выживания.

1. Отходничество или вахтовый метод. Распространённой стратегией выживания в постсоветских экономических условиях, особенно для жителей малых городов, является отходничество [25]. Результаты нашего эмпирического исследования также показали, что значительная часть жителей моногородов стала выезжать в поисках работы в крупные города (на Северо-Западе России в первую очередь в Санкт-Петербург) и на «Севера».

2. Маятниковая миграция внутри стихийных локальных агломераций. Создание стихийных локальных агломераций — обычная практика для поселений данного типа. Так, например, Бокситогорск, Пикалево, Тихвин в Ленинградской области; Сегежа, Надвоицы и Кондопога с Петрозаводском в республике Карелия; Мончегорск, Апатиты, Кировск в Мурманской области и пр. Циркулирование рабочей силы в пределах локальных агломераций является характерной чертой повседневности моногородов. Такие города-спутники, находящиеся в непосредственной близости либо друг от друга, либо на относительно удалении от областного или районного центра, оказываются в более стабильном по отношению к изолированным поселениям положении. Так, например, г. Красавино, г. Инта, посёлки Сазоново, Краснофарфорный, Пиндуши, Североонежск не имеют развитой инфраструктуры [33, Голливцова Н.Н., с. 14], которая в значительной степени усугубляет социально-экономическое положение поселений. Появившиеся локальные агломерации играют важную экономическую, досуговую роль в жизни сателлитных территорий. Расхождение между местом жи-

тельства и местом работы — довольно часто встречающаяся практика, под которую активно формируются и успешно функционируют целые сегменты рынка (сдача жилья в аренду, частный извоз и прочее).

3. Распределённый образ жизни. Важной стратегией выживания как для россиян в целом, так и для жителей моногородов в частности стало то, что Симон Кордонский называет «распределённым образом жизни» [27]. Как отмечает С. Кордонский: «Жизнь большинства семей России распределена между городской квартирой, дачей, погребом, сараем и гаражом. Чаще всего семья в обычном городе имеет городскую квартиру, дом-дачу с участком земли в пригороде или деревне, баню, птичник (свинарник, коровник), погреб (сарай) в городе, где хранятся продукты питания, произведённые на «даче», автомашину (и гараж), основная функция которой обеспечивать связь между городской квартирой и дачей. Гараж может быть совмещён с погребом (сараем). В селе функции дома и дачи совмещены, и есть — кроме приусадебного участка — ещё и покос, земля «под картошку», а также используемые непонятно на каких условиях лесные и речные угодья» [27, Кордонский С.Г., с. 23]. Распределённый образ жизни стал формироваться в моногородах ещё в советское время, но особенно он расцвёл в 1990-е гг. Многие жители моногородов имеют помимо городских квартир и дачи в пригородной зоне, и в соседних деревнях. Так, например, некоторые жители Пикалево покупают дома в деревнях Бокситогорского района и используют их или как дачу, или как основное место жительства. В последнем случае они объясняют, что в Пикалево плохая экологическая ситуация, а в деревне «чистый воздух». На дачах и в деревенских подворьях выращивают овощи и даже свиней, птицу и другую живность. Для огородничества также используются участки земли прямо рядом с многоквартирными домами. Такую картину мы наблюдали в Лучках, пригороде Сланцев. Прямо рядом с домами были высажены небольшие огородики. Интересный пример распределённого образа жизни в Сясьстрое. Жителей аварийных домов переселили в новые дома, и они по старой привычке построили сараи на самовольно захваченной земле недалеко от своего нового жилья.

4. Неформальная экономика. Немаловажную роль в жизни моногородов играют практики неформальной экономики. Например, частный извоз, частные ремонт и строительство, репетиторство и так далее. Жители моногородов также вовлечены в такие сферы неформальной экономики как собирательство, охота, рыбалка и другие. Понятно, что в большинстве случаев с этих доходов не уплачиваются налоги.

Важным примечанием является то, что социокультурное и экономическое пространство моногородов СЗФО не является гомогенным, это очень разные поселения, которые возможно разделить на три основные группы: 1. Моногорода Арктической зоны РФ, очевидной спецификой является удалённость и труднодоступность поселений, а также слабая укоренённость. Здесь в наибольшей степени проявляют себя стратегии отходничества и вахтового метода работы. 2. Моногорода Ленинградской области, где близость Санкт-Петербурга является ключевой характеристикой, определяющей силу агломерационных тенденций, где

маятниковая миграция выступает распространённой практикой. 3. Моногорода, располагающиеся в Вологодской области, Новгородской и южной части Архангельской области, для них характерна большая укоренённость населения, проявляющая себя в активном использовании потенциала территорий за счёт туризма и распределительного образа жизни.

Заключение

Таким образом, критерии отнесения поселений к моногородам не соответствует реальному положению дел (средний уровень занятости экономически активного населения на действующих градообразующих предприятиях не отвечает заявленным в критериях 25%, а в среднем значении не превышает 15%). Важно отметить, что в значительном числе поселений красной зоны градообразующие предприятия — это «мёртвые души», находящиеся в стадии банкротства или ликвидированные. Попытки диверсификации занятости за счёт введения зон особого экономического и налогового режимов, как свидетельствуют данные, мера далёкой перспективы. Количество новых рабочих мест даже в общей совокупности далеко от реальных потребностей населения моногородов. Прекращение работы или снижение объёма производства градообразующего предприятия, а также сокращение численности работников на этих предприятиях, не приводят к «умиранию» моногородов. Данные эмпирического исследования показали, что представители администраций моногородов чётко ориентируются в основных проблемах поселений, но ограниченные полномочия в принятии решений оставляют их заложниками ситуаций, где следование формальности указаний и предписаний никак не коррелирует с повышением качества жизни поселений, так как оставшиеся жители этих поселений сумели приспособиться к новым социально-экономическим условиям. Результаты интервью и включённых наблюдений позволили нам определить стратегии выживания, низовые практики населения, которое стихийно встраивается в новые экономические реалии, так редко попадающие в управленческое видение.

Литература

1. Карбаинов Н.И., Недосека Е.В. Трансформация советской модерности в российских моногородах / Малые города в социальном пространстве России: [монография] / [А.Ю. Ардалянова, П.В. Бизюков, Р.Г. Браславский и др.]. Отв. ред. В.В. Маркин, М.Ф. Черныш; предисл. ак. М.К. Горшков. Москва: ФНИСЦ РАН, 2019. С. 146–155. DOI 10.19181/monogr.978-5-89697-323-2.2019
2. Лаппо Г.М. Города России. Взгляд географа. Москва: Хронограф, 2012. 504 с.
3. Тургель И.Д. Монофункциональные города России: от выживания к устойчивому развитию. Москва: Директ Медиа. 2014. 765 с.
4. Макаров А.Н. Эволюция моногородов как инфраструктурного потенциала инновационного импортозамещения // Региональная экономика: теория и практика. 2013. № 41 (320). С. 53–57.
5. Поповичева Н.Е., Полянин А.В. Проблемы развития моногородов в современных условиях // Среднерусский вестник общественных наук. 2015. № 4. Т. 10. С. 186–193. DOI: 10.12737/11965
6. Гусев В.В. Российские моногорода: проекты будущего или архаичное наследие прошлого // Власть. 2012. № 10. С. 23–27.
7. Калмыков Н.Н., Меньщикова В.И., Меркулова Е.Ю., Константинов И.Б., Константинова Е.П., Тенькина О.Л. Ключевые направления стабилизации социально-экономического положения

- российских моногородов // Развитие территорий. 2018. № 2 (12). С. 14–18. DOI: 10.32324/2412-8945-2018-2-14-19
8. Веселкова Н., Прямикова Е., Вандышев М. Моногород: дилеммы конструирования пространства // ТОPOS. 2011. № 1. С. 208–224.
 9. Антонова И.С. Теория диверсификации экономики моногорода // Вестник науки Сибири. 2015. № 2 (17). С. 179–192.
 10. Севастьянова А.Е. Стратегические аспекты диверсификации и модернизации экономики моногородов // Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Политические, социологические и экономические науки. 2018. № 2. С. 139–145. DOI: 10.21603/2500-3372-2018-2-139-145
 11. Землянский Д.Ю., Ламанов С.В. Сценарии развития монопрофильных городов России // Вестник Московского университета. Сер. 5. 2014. № 4. С. 69–74.
 12. Котов А.В. «Полярный Рур»: структурная политика в моногородах российской Арктики // Всероссийский экономический журнал ЭКО. 2017. № 7. С. 34–52.
 13. Манаева И.В., Болтенкова Ю.В. Методические рекомендации по выбору сценария развития моногородов // Проблемы развития территорий. 2016. № 6 (86). С. 196–208.
 14. Урожаева Т.П. Моногорода в 1980–1990-е годы: зарубежный, российский и региональный опыт решения социально-экономических проблем // Учёные записки Петрозаводского государственного университета. 2016. № 3. С. 35–39.
 15. Кулай С.В. Зарубежный опыт модернизации и реструктуризации экономики моногородов // Государственное управление. Электронный вестник. 2019. № 73. С. 224–248.
 16. Гусев В.В. Монопрофильные поселения (моногорода): зарубежный опыт решения социальных проблем // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия Социология. Политология. 2014. Т. 14. Вып. 4. С. 5–8.
 17. Дмитриева Е.О. Государственная поддержка моногородов РФ в условиях восстановления экономического роста // Интернет-журнал «Науковедение». 2017. № 1. Том. 9. С. 37.
 18. Петрина О.А. Государственная поддержка моногородов в России // Вестник университета. 2015. № 6. С. 151–156.
 19. Скоробогатова Ю.А., Балдина А.А. Роль малого предпринимательства в социально-экономическом развитии моногородов Иркутской области // Baikal Research Journal. 2015. Т. 6. № 6. DOI: 10.17150/2411-6262.2015.6(6).13
 20. Дмитриева Е.О. Модели развития малого предпринимательства в моногородах Российской Федерации // Ars Administrandi (Искусство управления). 2017. Т. 9. № 2. С. 195–216. DOI: 10.17072/2218-9173-2017-2-195-216
 21. Замятина Н.Ю., Пилясов А.Н. Инновационный поиск в монопрофильных городах: блокировки развития, новая промышленная политика. Москва: URSS, 2015. 216 с.
 22. Меерович М.Г. Советские моногорода: история возникновения и специфика // Вестник Кемеровского государственного университета. 2018. № 1. С. 53–65. DOI: 10.21603/2078-8975-2018-1-53-65
 23. Любовный В.Я. Города России: альтернативы развития и управления. Москва: Экон-Информ, 2013. 614 с.
 24. Любовный В.Я., Кузнецова Г.Ю., Власова Н.И., Гривина И.В. Пути активизации социально-экономического развития монопрофильных городов России: монография. Москва: Московский общественный научный фонд, 2004. 224 с.
 25. Отходники: [монография] / Плюснин Ю. М. [и др.]. Москва: Новый Хронограф, 2013. 288 с.
 26. Бугаев М.А. Маятниковые миграции на рынке труда Санкт-Петербурга и Ленинградской области // Вестник Санкт-Петербургского университета. 2015. Вып.4. Сер. 5. С. 86–116.
 27. Кордонский С.Г. В реальности и на самом деле // Логос. 2000. № 5–6 (26). С. 53–64.
 28. Барсукова С.Ю. Неформальная экономика: экономико-социологический анализ. Москва: Издательский дом ГУВШЭ, 2004. 448 с.
 29. Чирикова А.Е., Ледяев В.Г. Власть в моногороде // Власть и элиты. 2016. Т. 3. С. 206–234. DOI: 10.31119/pe.2016.3.7
 30. Пилясов А.Н., Котов А.В. Моногорода российской Арктики: анализ стратегий развития по комплексным инвестиционным планам // Арктические ведомости. 2017. № 1. С. 116–124.

31. Давыдов Д.А. Моногородская идентичность и проблемы «промышленной ментальности» (на примере г. Магнитогорска) // Вестник Пермского федерального исследовательского центра. Серия Социология. 2014. № 5. С. 73–79.
32. Недосека Е.В., Жигунова Г.В. Особенности локальной идентичности жителей моногородов (на примере Мурманской области) // Арктика и Север. 2019. № 37. С. 118–133. DOI: 10.17238/issn2221-2698.2019.37.118
33. Голицова Н.Н. Анализ населённых пунктов монопрофильного типа СЗФО РФ // Инновационная экономика: перспективы развития и совершенствования. 2018. № 2. С. 10–16.

References

1. Karbainov N.I., Nedoseka E.V. Transformatsiya sovetskoy modernosti v rossiyskikh monogorodakh [Transformation of Soviet Modernity in Russian Single-Industry Towns]. *Malye goroda v sotsial'nom prostranstve Rossii* [Small Towns in the Social Space of Russia]. Moscow, Federal Center of Theoretical and Applied Sociology RAS Publ., 2019, pp. 146–155. DOI 10.19181/monogr.978-5-89697-323-2.2019
2. Lappo G.M. *Goroda Rossii. Vzglyad geografa* [Towns of Russia. A Geographer's Perspective]. Moscow, Khronograf Publ., 2012. 504 p. (In Russ.)
3. Turgel' I.D. *Monofunktional'nye goroda Rossii: ot vyzhivaniya k ustoychivomu razvitiyu* [Monofunctional Towns in Russia: from Survival to Sustainable Development]. Moscow, Direkt Media, 2014. 765 p. (In Russ.)
4. Makarov A.N. Evolyutsiya monogorodov kak infrastruktornogo potentsiala innovatsionnogo importozameshcheniya [Company Towns Evolution as Infrastructure Building Innovative Import Substitution]. *Regional'naya ekonomika: teoriya i praktika* [Regional Economics: Theory and Practice], 2013, no. 41 (320), pp. 53–57.
5. Popovicheva N.E., Polyanin A.V. Problemy razvitiya monogorodov v sovremennykh usloviyakh [Problems of Development of Monocities in the Modern World]. *Srednerusskiy vestnik obshchestvennykh nauk* [Central Russian Journal of Social Sciences], 2015, no. 4, vol. 10, pp. 186–193. DOI: 10.12737/11965
6. Gusev V.V. Rossiyskie monogoroda: proekty budushchego ili arkhaychnoe nasledie proshlogo [Russian Mono-Cities: Projects of the Future or Heritage of the Past?]. *Vlast'* [The Power], 2012, no. 10, pp. 23–27.
7. Kalmykov N.N., Menshchikova V.I., Merkulova E.Yu., Konstantinov I.B., Konstantinova E.P., Teten'kina O.L. Klyuchevye napravleniya stabilizatsii sotsial'no-ekonomicheskogo polozheniya rossiyskikh monogorodov [The Key Directions for Stabilization of Socio-Economic Situation of Russian Single-Industry Towns]. *Razvitie territoriy* [Territory Development], 2018, no. 2 (12), pp. 14–18. DOI: 10.32324/2412-8945-2018-2-14-19
8. Veselkova N., Pryamikova E., Vandyshv M. Monogorod: dilemmy konstruirovaniya prostranstva [Monocity: Dilemmas of Designing Space]. *TOPOS*, 2011, no. 1, pp. 208–224.
9. Antonova I.S. Teoriya diversifikatsii ekonomiki monogoroda [Diversification Theory for Company-Town Economy]. *Vestnik nauki Sibiri* [Siberian Journal of Science], 2015, no. 2 (17), pp. 179–192.
10. Sevastyanova A.E. Strategicheskie aspekty diversifikatsii i modernizatsii ekonomiki monogorodov [Strategic Aspects of Diversification and Modernization in the Economy of Single-Industry Settlements]. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Politicheskie, sotsiologicheskie i ekonomicheskie nauki* [Bulletin of Kemerovo State University. Series: Political, Sociological and Economic sciences], 2018, no. 2, pp. 139–145. DOI: 10.21603/2500-3372-2018-2-139-145
11. Zemlyanskiy D.Yu., Lamanov S.V. Stsenarii razvitiya monoprofil'nykh gorodov Rossii [Scenarios of Development for the Single Industry Towns in Russia]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 5, Geografya* [Moscow University Bulletin. Series 5, Geography], 2014, no. 4, pp. 69–74.
12. Kotov A.V. «Polyarnyy Rur»: strukturnaya politika v monogorodakh rossiyskoy Arktiki ["Polar Ruhr": Structural Policy in Monotowns of the Russian Arctic]. *Vserossiyskiy ekonomicheskii zhurnal EKO* [ECO journal], 2017, no. 7, pp. 34–52.
13. Manaeva I.V., Boltchenkova Yu.V. Metodicheskie rekomendatsii po vyboru stsenariya razvitiya monogorodov [Methodological Recommendations on Selection of Scenarios for the Development of Single-

- Industry Towns]. *Problemy razvitiya territoriy* [Problems of Territory's Development], 2016, no. 6 (86), pp. 196–208.
14. Urozhaeva T.P. Monogoroda v 1980–1990-e gody: zarubezhnyy, rossiyskiy i regional'nyy opyt resheniya sotsial'no-ekonomicheskikh problem [Mono-Industry Towns of the 1980-1990-ies: Foreign and National Experience in Solving Social and Economic Problems]. *Uchenye zapiski Petrozavodskogo gosudarstvennogo universiteta* [Proceedings of Petrozavodsk State University], 2016, no. 3, pp. 35–39.
 15. Kulay S.V. Zarubezhnyy opyt modernizatsii i restrukturizatsii ekonomiki monogorodov [Foreign Experience of Single-Industry Towns Modernization and Economic Restructuring]. *Gosudarstvennoe upravlenie. Elektronnyy vestnik* [E-journal. Public Administration], 2019, no. 73, pp. 224–248.
 16. Gusev V.V. Monoprofil'nye poseleniya (monogoroda): zarubezhnyy opyt resheniya sotsial'nykh problem [Monoprofile Settlements (Monocities): Foreign Experience Solving Social Problems]. *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Seriya Sotsiologiya. Politologiya* [Izvestiya of Saratov University. New Series. Series: Sociology. Politology], 2014, vol. 14, iss. 4, pp. 5–8.
 17. Dmitrieva E.O. Gosudarstvennaya podderzhka monogorodov RF v usloviyakh vosstanovleniya ekonomicheskogo rosta [State Support of the Russian Single-Industry Towns in Terms of Economic Growth]. *Naukovedenie*, 2017, vol. 9, no. 1, pp. 37.
 18. Petrina O.A. Gosudarstvennaya podderzhka monogorodov v Rossii [State Support for Single-Industry Towns in Russia]. *Vestnik universiteta*, 2015, no. 6, pp. 151–156.
 19. Skorobogatova Yu.A., Baldina A.A. Rol' malogo predprinimatel'stva v sotsial'no-ekonomicheskom razvitii monogorodov Irkutskoy oblasti [Role of Small Business in Socio-Economic Development of Single-Industry Towns in Irkutsk Oblast]. *Baikal Research Journal*, 2015, vol. 6, no. 6. DOI: 10.17150/2411-6262.2015.6(6).13
 20. Dmitrieva E.O. Modeli razvitiya malogo predprinimatel'stva v monogorodakh Rossiyskoy Federatsii [Development Model of Small Businesses in Single-Industry Towns of the Russian Federation]. *Ars Administrandi (Iskusstvo upravleniya)* [Ars Administrandi], 2017, vol. 9, no. 2, pp. 195–216. DOI: 10.17072/2218-9173-2017-2-195-216
 21. Zamyatina N.Yu., Pilyasov A.N. *Innovatsionnyy poisk v monoprofil'nykh gorodakh: blokirovki razvitiya, novaya promyshlennaya politika* [Innovative Search in Single-Industry Cities: Development Blockages, New Industrial Policy]. Moscow, URSS Publ., 2015. 216 p.
 22. Meerovich M.G. Sovetskie monogoroda: istoriya vzniknoveniya i spetsifika [Soviet Monoprofile Cities: The Story behind and Key Features]. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Kemerovo State University], 2018, no. 1, no. 53–65. DOI: 10.21603/2078-8975-2018-1-53-65
 23. Lyubovnyy V.Ya. *Goroda Rossii: al'ternativy razvitiya i upravleniya* [Russian cities: development and management alternatives]. Moscow: Ekon-Inform Publ., 2013. 614 p. (In Russ.)
 24. Lyubovnyy V.Ya., Kuznetsova G.Yu., Vlasova N.I., Grivina I.V. Puti aktivizatsii sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiya monoprofil'nykh gorodov Rossii: monografiya [Ways to Activate the Socio-economic Development of Single-industry Cities in Russia]. Moscow, Moskovskiy obshchestvennyy nauchnyy fond Publ., 2004. 224 p.
 25. Plyusnin Yu.M., ed. *Otkhodniki : monografiya* [Vacationers]. Moscow, Novyy Khronograf Publ., 2013. 288 p. (In Russ.)
 26. Bugaev M.A. Mayatnikovye migratsii na rynke truda Sankt-Peterburga i Leningradskoy oblasti [Labor Commuting in the Labor Market of Saint Petersburg and Leningrad Region]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta* [St Petersburg University Journal of Economic Studies], 2015, no. 4, iss. 5, pp. 86–116.
 27. Kordonskiy S.G. V real'nosti i na samom dele [In Reality, and in Fact]. *Logos*, 2000, no. 5–6 (26), pp. 53–64.
 28. Barsukova S.Yu. *Neformal'naya ekonomika: ekonomiko-sotsiologicheskii analiz* [Informal Economy: Economics-Sociological Analysis]. Moscow, National Research University HSE Publ., 2004. 448 p. (In Russ.)
 29. Chirikova A.E., Ledyayev V.G. Vlast' v monogorode [Power in the Mono-Industrial Company Town]. *Vlast' i elity* [Power and Elites], 2016, vol. 3, pp. 206–234. DOI: 10.31119/pe.2016.3.7

30. Pilyasov A.N., Kotov A.V. Monogoroda rossiyskoy Arktiki: analiz strategiy razvitiya po kompleksnym investitsionnym planam [Monotowns of the Russian Arctic: Analysis of the Development Strategy for Comprehensive Investment Plans]. *Arkticheskie vedomosti* [Arctic Herald], 2017, no. 1, pp. 116–124.
31. Davydov D.A. Monogorodskaya identichnost' i problemy «promyshlennoy mental'nosti» (na primere g. Magnitogorska) [Monotown Identity and Problems of Industrial Mentality (on Example of Magnitogorsk)]. *Vestnik Permskogo federal'nogo issledovatel'skogo tsentra. Seriya Sotsiologiya* [Perm Federal Research Centre Journal], 2014, no. 5, pp. 73–79.
32. Nedoseka E.V., Zhigunova G.V. Osobennosti lokal'noy identichnosti zhiteley monogorodov (na primere Murmanskoy oblasti) [Features of Local Identity of Single-Industry Town Residents (the Case of the Murmansk Oblast)]. *Arktika i Sever* [Arctic and North], 2019, no. 37, pp. 118–133. DOI: 10.17238/issn2221-2698.2019.37.118
33. Golitsova N.N. Analiz naselennykh punktov monoprofil'nogo tipa SZFO RF [Analysis of Settlements of Single-Industry Type in the Northwestern Federal District]. *Innovatsionnaya ekonomika: perspektivy razvitiya i sovershenstvovaniya*, 2018, no. 2, pp. 10–16.

Статья принята 04.10.2020.